

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 327

Полипартисипантный и многомерный мир: на пути к новой теории международных отношений

В. Е. Болдырев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Российская Федерация, 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89

Для цитирования: *Болдырев В. Е.* Полипартисипантный и многомерный мир: на пути к новой теории международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 507–526. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.406>

В начале XXI в. в России сформировался ряд условий, благоприятных для разработки новой теории международных отношений (ТМО): проявили себя новые тенденции межгосударственного взаимодействия, внешняя политика России нуждается в обновлении теоретических и концептуальных основ, сформировался новый философский фундамент исследований, отечественная ТМО переживает кризис. Для его преодоления предлагается каркас новой теории, источниками которой выступают уже существующие концепции и теории, удовлетворяющие принципам философии постнеклассической науки, концепция внешней политики РФ, отдельные события современного мира, которые нельзя описать с помощью прежде созданных концепций, междисциплинарность, не приводящая к эрозии языка науки о международных отношениях. Эти источники позволили выявить ряд фундаментальных основ для новой теории: интерпретация хаоса как непознанного порядка, признание каждого государства самодостаточным участником международных отношений, поливариантность внешних политик, понимание мира как бесплюсной системы. На их основе был разработан каркас теории полипартисипантного и многомерного мира, основными элементами которого являются государства (участники) и негосударственные акторы. В соответствии с ней мир имеет несколько измерений: пространство, динамическое время, структурное время, совокупность подсистем (функциональных сфер), уровень и контроль. Баланс обеспечивается за счет баланса внешних политик и реакций на них, которые определены интересами государств, их влиянием и мощью в отдельных регионах и функциональных сферах. Этим задается кривизна мира, заставляющая его постоянно меняться. В случае нарушения баланса или ослабления контроля возникает вакуум, который

провоцирует развитие неконтролируемых процессов. Столь сложное строение современного мира позволяет характеризовать его как сеть, определяющую современные международные отношения как реляционные.

Ключевые слова: теория международных отношений, пространство, время, система, уровень, контроль, хаос, междисциплинарность, международные отношения, внешняя политика.

К началу 2020-х годов в России сформировались условия, благоприятствующие разработке новой теории международных отношений или делающие ее необходимой. Во-первых, после распада биполярной системы международных отношений минуло достаточное время, чтобы возникли основные новые контуры поведения государств на международной арене и их отношений между собой. С одной стороны, сохраняются блоки и международные организации, которые остаются наследием прошлой эпохи. С другой стороны, за последние тридцать лет выросли новые центры силы, обострилась конкуренция, вследствие чего даже страны-партнеры, имеющие общие или близкие цели, в определенных случаях способны оказаться прямыми конкурентами, один из которых добивается успеха за счет вытеснения другого. Примером такого рода является взаимодействие России и Китая с Венесуэлой [1, с. 308–310].

Во-вторых, Россия, пережив глубокий системный кризис 1990-х годов, нуждается в значительном обновлении концептуальных и теоретических оснований внешней политики, которые были бы не просто идейным и пропагандистским сопровождением курса, но определяли бы более глубинные его элементы: фундамент мировидения, целостную и взаимосвязанную интерпретацию событий, внешнеполитическое планирование. О том, что в российском политическом истеблишменте существует такой запрос, свидетельствует зафиксированная в Концепции внешней политики идея многополярного мира [2], являющаяся новой, нетрадиционной для внешней политики России по отношению к ее прошлому опыту.

В-третьих, в начале XXI в. в целом определились фундаментальная основа и магистральное направление развития общественных наук. В соответствии с ключевыми положениями философии постнеклассической науки были сформулированы основные параметры научного творчества, а именно: отношение к исследуемому явлению как к хаосу, имеющему свою объективно существующую, независимую от внешнего наблюдателя логику; развитие науки за счет знаниевых ресурсов, которые прежде не являлись наукой; отождествление истинности с целесообразностью, т. е. необходимостью познать мир таким, какой он есть, стремлением повысить объективность исследования; развитие нового научного знания через возмущение его окружения [3, с. 17–22, 217–218]. На практике этой теоретической основе соответствуют различные состояния исследований (междисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность), которые расширяют как исследовательские поля конкретных дисциплин, так и круг используемых методов, взаимно вовлекая новые проблемы и методы в орбиты друг друга через диалог. Такое положение позволяет исследовать процесс или явление с разных теоретико-методологических позиций, не противопоставленных, но дополняющих друг друга.

В-четвертых, и отечественные [4], и зарубежные [5, р. 410–411] исследователи характеризуют современное состояние российской теории международных от-

ношений как кризисное, а ее вклад в развитие мировой науки о международных отношениях как недостаточный. В качестве одного из выходов из создавшейся ситуации называется разработка новой теории международных отношений, чистой от идеологических, политических и практических предварительных установок [5]. Здесь имеется в виду то, что при выработке новых теорий исследователь должен воспринимать действительные факты в качестве объективной данности, логика существования которой не зависит от чьих-либо взглядов, воззрений, интересов, не относящихся к конкретному аспекту этой объективной данности. Это не означает, что нельзя пользоваться прежде созданными научными концепциями и новая теория или концепция не должны иметь прикладного значения, тем не менее на этапе разработки нет необходимости зависеть от чуждых изучаемому феномену особенностей, от сужающих исследовательское поле установок и от ограничивающих поиск интересов заказчика.

Ввиду сформировавшихся условий цель настоящего исследования — наметить каркас новой, чистой теории международных отношений. Следом за Б. Бузаном в настоящем исследовании под словом «теория» понимается упрощение реальности, которое начинается с относительно фундаментального предположения, что каждое из явлений может не быть уникальным, но иметь ключевые черты, близкие к аналогичным параметрам других явлений. Также здесь в слово «теория» вкладывается смысл, которого придерживаются европейские школы науки о международных отношениях. В соответствии с ним теорию характеризуют систематическая организация исследовательского поля, придание ему структуры, разработка набора соотносимых и взаимосвязанных концептов и категорий [5, p. 392–393].

Соответственно, на первом этапе исследования, посвященном состоянию науки как источнику для создания новой теории, задачами являются следующие: определить, в какой мере существующие зарубежные и российские теории и концепции международных отношений, созданные после распада биполярной системы, могут быть основанием для разработки новой теории; выявить, в какой мере они способны описать текущее состояние международных отношений; конкретизировать определение междисциплинарности, разработать фундаментальные междисциплинарные рамки новой теории. На втором этапе исследования, предполагающем собственно разработку каркаса новой теории, задачи формулируются в соответствии с европейским пониманием теории международных отношений: организовать исследовательское поле в системном ключе, структурировать его, разработать набор соотносимых и взаимосвязанных концептов и категорий.

Метаметодология исследования

Поскольку целью статьи является разработка каркаса теории в европейском понимании, фактически речь идет о создании фундаментального и ориентированного на практику теоретико-методологического инструментария для будущих исследований, для данного исследования логично использовать методологию методологии, обозначенную вслед за традицией познанской исторической школы как метаметодология [6]. Этот термин указывает на то, что ключевым предметом анализа являются интерпретации международных отношений, отдельные положения

других наук, которые могли бы быть полезны для исследования международных отношений, т. е. те из них, в которых было бы зафиксировано отношение к международным отношениям и связанным с ними проблемам как к объективной данности, существующей независимо от анализирующего их субъекта.

Ключевым метаметодологическим основанием исследования являются технологические рамки, предложенные Б. Бузаном для разработки теорий международных отношений. Суммировав положительный и отрицательный мировой опыт, он выделил шесть основных столпов этого процесса. Три из них, по его мнению, являются универсальными независимо от того, где проводится разработка теории: в странах-лидерах или странах, находящихся на периферии процесса. Ими являются теоретический и идейный фундамент, конъюнктура международных отношений, междисциплинарность. На периферии они дополняются тремя другими источниками мысли для теории международных отношений: идеями политических лидеров и интеллектуалов-публицистов, отношением страны к существующему миропорядку, особенностями национальной истории и культуры. При этом Б. Бузан уточняет, что перечень источников, относящихся к периферии, является рекомендательным и не носит универсального характера [5].

В соответствии с предложенными Б. Бузаном рамками разработка теории основывается на следующих столпах. Во-первых, поскольку предлагаемая в исследовании теория международных отношений относится к современному миру, который начал формироваться после распада биполярной системы, ее теоретическим и идейным фундаментом выступают работы представителей академического сообщества, созданные после 1989 г., т. е. после начала системного кризиса в СССР и социалистическом лагере. При этом учитывались только те зарубежные и российские исследования, в которых их авторы стремились понять происходившие трансформационные процессы, а предлагавшиеся ими концепции или словосочетания использовались для описания объективно происходящих процессов. В соответствии с феноменологией Э. Гуссерля, которая является одним из основных источников постнеклассической науки, такие концепции можно охарактеризовать как квази-объективные [7, р. 166–167].

Им противопоставляются концепции субъективные, в основе которых лежит не стремление понять происходящие процессы и на основе понимания разработать концепцию, а предварительное концептуальное постулирование с целью понять текущие процессы. Источниками этой субъективности в разных случаях могут быть доминирующие общественный и политический дискурсы, цивилизационные традиции, профессиональный опыт субъекта исследования. Но последнее противоречит постнеклассической науке, которая вслед за Э. Гуссерлем ориентирует на исследование чистых феноменов, существующих независимо от множества их конкретных воплощений и их интерпретаций, а значит, сознание ученых и интеллектуалов должно быть свободным от предварительных мировоззренческих, идейных и иных установок [3, с. 132–136].

Такое отношение определило выбор как зарубежных, так и отечественных трудов в качестве теоретического и идейного фундамента, предваряющего разработку новой теории. Как правило, в одном и том же исследовании присутствуют и квази-объективные, и субъективные элементы интерпретации, следовательно, необходимо отделить их друг от друга. Это позволило, с одной стороны, обеспечить теории

основу, как международную, так и национальную, с другой — придать этой основе идейную и теоретическую стройность.

Во-вторых, в соответствии с перечнем Б.Бузана источником новой теории является внешнеполитическая концепция Российской Федерации [2] как отражение российского отношения к современному миропорядку. В контексте философии постнеклассической науки она не противоречит феноменологии, поскольку не только содержит квазиобъективную интерпретацию, но и определяет целесообразность новой теории, фиксируя поиск места России в архитектуре изменившегося мира, а также формирует связи для дальнейшего перевода фундаментального исследования в практическое.

В-третьих, конъюнктура международных отношений, а точнее, некоторые их особенности, возникшие после 1989 г., являются объективно существующим источником новой теории.

В-четвертых, новая теория основывается на междисциплинарности, которая в некоторых научных школах может пониматься достаточно широко, что способно нанести ущерб самой теории. Чтобы контролировать процесс заимствований из других наук, но при этом не подвергать собственно разработку угрозе отрыва от родной дисциплины, недостаточно только философии постнеклассической науки и ее источников. Ключевым принципом, соблюдение которого предотвратит движение по ложному пути, является принцип «дисциплинарной экологии», сформулированный Е. Топольским. В соответствии с ним для конкретных наук об обществе и человеке заимствования из других дисциплин могут быть полезным подспорьем, если они относятся к иным общественным и гуманитарным дисциплинам, или символическими матрицами, которые подчиняются языку конкретной общественной или гуманитарной дисциплины, если они заимствованы из других научных областей [8, S. 471–472].

На практике максимально полно и последовательно реализовать этот принцип позволяет алгоритм определения междисциплинарности Дж. Гобсона — Дж. Лоусона [9], который состоит из трех этапов. На первом определяется, насколько междисциплинарна проблема в целом, фиксируются дисциплинарный фундамент междисциплинарного исследования и пределы заимствований из других наук. На втором выявляются способы взаимодействия между дисциплинами, к которым относят методы, концепции, язык. На третьем проводится контроль междисциплинарной интерпретации данных и полученных исследовательских результатов. Цель контроля — определить, не были ли нарушены принципы и язык дисциплины, которая выбрана фундаментом междисциплинарного исследования.

Применение этого алгоритма позволит, с одной стороны, влить свежую струю в теорию международных отношений за счет заимствований из других дисциплин, с другой стороны, в процессе разработки новой теории, нацеленной на объяснение мира как сложной системы, избежать подмены языка и принципов науки о международных отношениях принципами и языками других наук.

Источники новой теории

Кардинальная трансформация мира, начавшаяся в 1989 г. с падением берлинской стены и первыми шагами по воссоединению Германии, не раз осмысливалась и переосмысливалась учеными-международниками. Наиболее раннюю такую попытку на заре трансформационных процессов предпринял Ч. Краутхаммер. Сложившуюся в 1990 г. международную обстановку он трактовал как однополярность. Для этой интерпретации тогда имелись веские аргументы, восходившие к конъюнктуре момента: мощь США была незыблемой и превосходила мощь любой другой державы, остальные страны демонстрировали готовность поддержать Соединенные Штаты по ключевым военно-политическим вопросам международной повестки. В то же время Ч. Краутхаммер рассматривал ту ситуацию в качестве транзита к новому миру без центров или полюсов, который он характеризовал как хаос [10].

Из двух базовых характеристик мира, полярности и хаоса, которые употребил в своей статье Ч. Краутхаммер, выросли фактически два ключевых направления, по которым развивалась мысль теории международных отношений. Идею беспорядка, которую в определенном смысле можно считать вариацией идеи хаоса, развил Р. Хаас. В своем труде он выделил ряд противоречащих тенденций. С одной стороны, он указывал на объективно существующие аспекты: рост экономической взаимозависимости, наличие общих биологических и климатических проблем, усиление региональной военно-политической нестабильности, военно-политических конфликтов и территориальных споров. Наконец, он указал на то, что возросла роль случайности как причины международных политических процессов. С другой стороны, Р. Хаас «классифицирует» государства в соответствии с вильсоновской традицией по критерию соответствия либеральным нормам на либеральные демократии, неполноценные демократии (Россия, Иран, Турция) и авторитарные государства (Россия и Китай) [11]. Такая «классификация» в соответствии с положениями философии постнеклассической науки является субъективной, так как предопределена идейной традицией, а значит, не позволяет исследовать международные отношения в чистом виде, как они есть.

Ключевое противоречие концепции Р. Хааса лежит в его понимании хаоса и порядка. Хаос он понимает как беспорядок, противопоставляя ему порядок, основанный на конкретных концепциях, в соответствии с которыми акторы стремятся упорядочить мир. В то же время Р. Хаас игнорирует возможность самоорганизации мира, ничем не предопределенной, а вместе с ней отрицает и отношение к хаосу как к непознанному порядку, который живет по правилам, созданным им самим.

Более продуктивное отношение к хаосу в международных отношениях, как к непознанному порядку, заключено в метафоре калейдоскопа, которую использовал В. Г. Барановский. С ее помощью он описал эрозию, которую следует считать продуктивной и позитивной, поскольку она, с его точки зрения, заключается в постоянной смене акторами позиций в иерархии. Это, с одной стороны, несет потенциал неустойчивости в отдельных сегментах международных отношений, с другой стороны, повышает адаптивность международной системы [12, с. 16].

К этой группе исследований относится и концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Причина ее включения в эту группу состоит в том, что

С. Хантингтон, анализируя меняющийся после распада биполярной системы мир, полностью отказался от общепринятых терминов «полюс», «иерархия» и обратил внимание на новые, несвойственные прежней эпохе международных отношений тенденции, заключающиеся в росте культурного и цивилизационного факторов во взаимодействиях между странами и народами. Поскольку С. Хантингтоном было доказано вхождение этих факторов в число определяющих при новом мировом порядке, что отличало его от прежнего порядка, то в «Столкновении цивилизаций» концептуализируется одна из черт хаоса как нового, неисследованного порядка. Это позволило С. Хантингтону предложить новое аналитическое отношение к формирувавшемуся в 1990-е годы миру, предполагавшее отказ от бинарных концепций и универсализма, а также спрогнозировать ряд устойчивых характеристик современности: рост влияния ислама, развитие модернизаций, не имеющих западного фундамента, культурный вызов Западу [13].

Таким образом, отношение к хаосу, соответствующее постнеклассической философии науки, как к непознанному порядку является продуктивным и позволяет разрабатывать новые теории и концепции. При этом следует не только предлагать новые метафоры, но и интерпретировать новые тенденции с помощью целостных концепций. Этот подход представляется наиболее полезным для разработки новой теории международных отношений, основанной на фундаменте современной философии науки. В то же время необходимо отказаться от отождествления хаоса с беспорядком, поскольку это вынудит использовать дополнительные концепции для объяснения мира, что противоречит фундаментальным основам постнеклассической науки.

Второе направление теории международных отношений строилось вокруг терминов «полюс» или «центр». Одним из ядер этой группы концепций является концепция полицентричного мира Е. М. Примакова. С помощью термина «центр» Е. М. Примаков упорядочивает интерпретацию усилий разных государств по укреплению стабильности и безопасности в мире. Вместе с тем, с его точки зрения, переход к многополярности характеризуется динамическим процессом, не имеющим общего предначертанного вектора, а место каждого государства в складывающейся системе определяется совокупностью двух факторов: внутреннего экономического, социального, политического и военного развития, а также состояния внешней среды [14, с. 5–6]. Тем самым Е. М. Примаков уравнивает две группы факторов, внутренних и внешних, от которых зависит место государства в мире и его поведение, признав каждое государство независимо от его размера и мощи самостоятельным участником международных отношений. Несмотря на использование термина «центр», это положение выгодно отличает концепцию Е. М. Примакова в контексте исследования новой архитектуры международных отношений.

В дальнейшем А. А. Дынкиным и Н. И. Ивановой была предложена концепция иерархической полицентричности. В ней акцент был сделан на перестройке структуры мировых центра и периферии, изменении степени влияния, трансформации баланса сил, смещении геополитического центра мира в Азию, усилении общих для разных государств проблем и противоречий между государствами и негосударственными акторами [15]. Тот факт, что новые тенденции мирового развития авторы интерпретировали с помощью терминологического аппарата, разработанного

в прошлую, относительно стабильную биполярную эпоху, свидетельствует об их стремлении адаптировать современные международные процессы к устоявшимся интерпретационным рамкам.

В свою очередь, концепция мегатрендов продолжает общую линию развития теории международных отношений с целью осмыслить новые мировые тенденции без использования устоявшейся терминологии. А. А. Байков и Т. А. Шаклеина признают факт динамической полицентричности, наличия нескольких держав, сопоставимых по совокупности своих возможностей. В то же время в центр концепции помещены крупномасштабные, долгосрочные процессы мирового развития, которые определяют качественное содержание текущего этапа эволюции мировой системы. При этом ее авторы отмечают, что эти процессы в каждом регионе, в каждой стране обладают своей спецификой [16]. Реализованный ими концептуальный подход ставит во главу угла интерпретаций континуум, привязанный не к конкретному месту, а к ряду сфер жизни, общих для всех стран. Это позволяет воспринимать мир как сложносоставную, многовекторную и многоуровневую систему взаимодействия и взаимозависимости его акторов.

Как источник для новой теории представляет интерес и концепция многополярного мира в интерпретации В. Л. Хейфеца. Ее выгодно отличают следующие положения: рост зависимости политической мощи от экономической; возможность конвертировать экономические достижения в политическое влияние; признание каждого государства самодостаточным актором международной системы, оказывающим влияние на ее развитие; наличие множества альтернатив поведения для государств, преследующих близкие цели в одном регионе или даже в одной стране. В то же время, несмотря на некоторые новаторские трактовки современной мировой системы, отдельные элементы интерпретации В. Л. Хейфеца имеют прямую связь с прошлым международных отношений: признание терминов «центр» и «периферия», использование упрощенных бинарных классификаций «Запад — не-Запад», «Север — Юг» [1].

Таким образом, все концепции международных отношений, которые строились вокруг идей «полярности» и «центричности», обладают несколькими общими характеристиками. Во-первых, само использование терминов «полюс» и «центр» свидетельствует, что авторы находились под влиянием мышления, сложившегося в эпоху относительно предсказуемого биполярного мира, и соответственно избегали отказа от привычной терминологии, которая, с их точки зрения, делала этот мир более понятным. Но этим же они сами себя уводили в ловушку, поскольку стремились объяснить новые объективные явления с помощью старого инструментария. С точки зрения философии постнеклассической науки такой шаг снижает степень объективности исследования, поскольку ставит его в зависимость от терминологического аппарата, чье абстрактное значение сформировалось в сознании исследователя прежде, чем он приступил к анализу новой объективной данности.

Во-вторых, как это ни парадоксально звучит, используя старый аналитический и интерпретационный инструментарий, исследователи смогли выявить ряд новых характеристик мировой системы и международных отношений, не свойственных прежним эпохам. Этот парадокс еще больше усиливает тот факт, что к нынешнему порядку они относились как к сильно изменившемуся старому, а не как к хаосу по отношению к прежнему порядку.

В целом, несмотря на ряд черт, которые связывают созданные после 1989 г. концепции с прежде существовавшим порядком, они содержат набор позитивных достижений, которые будут использованы для разработки новой теории: восприятие современного мира как хаоса, имеющего свой, пока непознанный порядок; взаимная зависимость внутреннего развития и места на международной арене; переосмысление структуры международных отношений; признание каждого государства самодостаточным актором; поливариантность внешней политики и определенного ей поведения.

В то же время целесообразно отказаться от старых терминов и конструкций, которые будут снижать объективность концептуального осмысления современного мира.

В этом контексте интересно исследование, проведенное советскими математиками. С их точки зрения, мир не является полярным или центричным. Он представляется в качестве единой системы, а страны и регионы — ее составными частями. При этом сама система делится на функциональные подсистемы [17]. В ее рамках реализуются две группы процессов: процессы развития и процессы, контролирующие развитие [18, р. 208–211]. Несмотря на то что основанные на указанных принципах модели изначально применялись в отношении процессов и явлений, которые можно описать с помощью математических уравнений, этот подход представляется наиболее продуктивным: адаптация ключевых положений исследования позволит в должной мере отойти от старого, полярного, восприятия мира и перейти к новой его интерпретации.

Вторым источником для новой теории международных отношений является Концепция внешней политики России, которая фиксирует восприятие мира практиками внешней политики, а значит, и их потребности в новых осмыслениях системы. Хотя в первых положениях Концепции внешней политики России повторяются тезисы концепции «иерархической полицентричности», изложенной в коллективной монографии «Глобальная перестройка» [15], они, по-видимому, включены для удобства восприятия современного мира поколением, чье мировидение сформировалось в относительно стабильную биполярную эпоху. По сути же положений, определяющих практические внешнеполитические шаги России, в Концепции содержится наиболее прогрессивный взгляд на современное мироустройство. В соответствии с ее текстом современный мир является системой, состоящей из ряда элементов, в которых реализуются отдельные направления внешней политики разных государств, при этом непосредственное положение и поведение государств определяются не только состоянием системы, но и внутренними социальными процессами. Государства и регионы как их совокупности формируют глобальное пространство. В качестве еще одной характеристики современного мира, которая связана с развитием государств, выделяются общие, трансграничные угрозы [2].

В целом такая интерпретация мира свидетельствует о максимальном отходе от «полярного» и «центричного» видений, фиксирует новые тенденции мирового развития, используя новые приемы описания. По этой причине Концепция не только выступает источником новой теории международных отношений, но и определяет направление ее развития с тем, чтобы она, будучи разработанной для анализа существующих явлений и процессов в соответствии с объективно присутствующей их логикой, имела прикладной характер.

Третьим источником для новой теории являются события современного мира, заставляющие переосмыслить его устройство. Жанр статьи не предполагает подробного анализа многих событий, однако нельзя не заострить внимание на наиболее рельефных изменениях мироустройства. Во-первых, в ходе распада многонациональных государств Европы (СССР, Югославия), в результате внешнего необоснованного воздействия на политическое развитие стран, обладающих другой культурой (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия), в условиях глубокого системного кризиса (Албания, Россия), при слабой центральной власти (Сомали, Нигерия, ДРК) стремительно развивались неконтролируемые процессы, которые привели к формированию новой международной и региональной реальности. Во-вторых, во второй половине XX в. в странах Азии и Африки активно реализовывались проекты модернизаций и систем управления, которые, имея внешнюю европейскую (демократическую или социалистическую) оболочку, основывались на локальных традициях. Соответствующими примерами выступают КНДР, Иран, Оман, Египет, Судан, Зимбабве. В-третьих, в создававшихся системах вплетались традиционные институты общества с их логикой существования (например, община инминбан в КНДР, высокая роль военных в политической системе Египта и религиозного лидера в Иране, шариатский суд в Судане, лестничный принцип передачи власти в Омане). Они поддерживают приемлемый, с точки зрения обществ этих стран, консенсус, который обеспечивает не только внутреннюю стабильность, но и предсказуемость их поведения на международной арене, предотвращают развитие событий, способных привести к региональной нестабильности. В-четвертых, в АТР существуют многочисленные торгово-экономические объединения. Все они ставят целью либерализовать торговлю и за счет этого придать дополнительный импульс хозяйственному развитию, но понимают «свободную торговлю» неодинаково. Иными словами, они идут к одной цели, но разными путями и к разным ее интерпретациям. В-пятых, государства, имеющие партнерские отношения (например, РФ и Китай), преследующие в конкретной стране (регионе) близкие цели, придерживаются разных стратегий и тактик, что в зависимости от текущей конъюнктуры превращает их в партнеров, попутчиков, конкурентов или субъектов, действующих параллельно и не мешающих друг другу.

Все эти характеристики современного мира не укладываются в рамки понятий «полюс», «центр», «иерархия», а значит, требуют новой теоретико-методологической основы для их осмысления и анализа. И здесь благоприятным является четвертый источник новой теории — междисциплинарность. Термин «междисциплинарность» используется здесь в двух аспектах. С одной стороны, с его помощью обозначается любое взаимодействие между дисциплинами, цель которого лежит в широком диапазоне, чьи крайние точки были сформулированы В. Рудометовом [19, р. 98] и В. Вжосеком [6, с. 102]: от ограниченного взаимодействия, чтобы подчеркнуть незаменимость и особость своего исследовательского поля, до широких заимствований из разных дисциплин и отраслей знания с целью модернизации, но не подмены аналитического и исследовательского инструментария. С другой стороны, междисциплинарность — это обобщенное наименование трех основных стратегий взаимодействия между разными дисциплинами: междисциплинарность, при которой одно дисциплинарное поле совершенствуется за счет отдельных заимствований из других наук; полидисциплинарность, при которой один объект исследуется с позиций не-

скольких дисциплин; трансдисциплинарность, при которой растет прозрачность дисциплинарных границ, формулируются и ставятся проблемы, которые не могут существовать в пределах одной дисциплинарной отрасли [20, с. 6].

Однако независимо от того, насколько широка трактовка междисциплинарности, какой из них придерживается исследователь, в любом случае она должна иметь фундамент. В данном случае в его качестве выступает наука о международных отношениях, ориентированная на анализ настоящего и прогнозирование будущего тех общественных, в широком смысле, явлений, которые влияют на взаимодействие между государственными и негосударственными акторами в региональном или глобальном масштабе. С учетом этой специфики, а также особенностей современного мира, его восприятия и степени развития теории, аналитического и интерпретационного инструментария представляется возможным широко определить границы междисциплинарности, сопоставимые с теми, которых придерживается познанская историческая школа. Для развития принципов, инструментов и терминологии исследования заимствуются отдельные положения, аналитические клише, термины как общественных и гуманитарных наук, так и отдельных дисциплин, к ним не относящихся [6, с. 102]. Функцию контроля на этом этапе выполняет принцип «дисциплинарной экологии» [8, S. 471–472], в соответствии с которым заимствования из других наук подчиняются языку конкретной дисциплины, в связи с чем или адаптируется их определение и алгоритм применения, или они трансформируются в символические матрицы и метафоричные определения.

Предпочтительными видятся следующие заимствования из других дисциплин. Поскольку изучение международных отношений предполагает анализ временной динамики, позитивно на него повлияют интерпретация динамического времени историей и философией. Согласно первой, все социальные процессы могут быть циклическими, направленными (конечными) и нерегулярными (не иметь строгой циклической динамики) [8, S. 522–525]. Согласно второй, временные срезы определяют друг друга: настоящее есть будущее прошлого и прошлое будущего [21, р. 51]. Эти параметры характеризуют динамическое время.

Однако с точки зрения современных философии, истории и политологии время имеет и структуру. Она определяется не только явными, но и скрытыми социальными связями, вариативностью поведения и взаимодействия с социальной, природной и вещной средой, альтернативными траекториями достижения цели [21, р. 16–18; 22, с. 58–83; 23]. Вся эта структура общества детерминирует особенности его структурного времени и развивается в рамках динамических процессов, чьи базовые описания представлены выше, а ее результатом являются принятые решения, определяющие в том числе и внешнюю политику. Наконец, поведение самих государств и иных акторов на международной арене можно рассматривать сквозь эту же призму.

Поскольку при изучении времени историки, философы и политологи исследовали социальные процессы, а значит, работали в пределах поля общественных наук, их достижения могут применяться при разработке новой теории с незначительными уточнениями и сравнительно широкими адаптациями — при создании нового исследовательского и интерпретационного инструментария.

Старейшую из ныне существующих «неполюсных» интерпретаций мира предложили математики по результатам глобального моделирования [17]. Поскольку

математика представляет другое дисциплинарное поле, чей язык чужд языку науки о международных отношениях, представляющей общественные дисциплины, заимствуется только интерпретация мира, разработанная в ходе компьютерного моделирования. С этой точки зрения мир является системой, состоящей из подсистем. Такое клише можно использовать для анализа современного мира, внешней политики и международных отношений, применяя не формулы, а язык общественных наук.

Еще одним перспективным источником для заимствования представляется космическая физика [24, р. 36, 54, 79, 91, 96, 109, 111], так как в поле ее зрения находятся процессы, которые соответствуют современному философскому определению хаоса как непознанного порядка. Поскольку современный мир, в котором развиваются международные отношения, является хаосом в этом самом смысле, то и отдельные определения и интерпретационные клише космической физики можно использовать в метафоричном ключе, вкладывая в них новый смысл, соответствующий полю общественных дисциплин.

Каркас теории

Достижения в области философии, науки о международных отношениях и истории позволяют характеризовать современный мир как *полипартисипантный и многомерный*. Он является совокупностью множества государств (*участников*) и негосударственных акторов. Основу порядка составляют их взаимодействие между собой и противодействие друг другу на множестве *уровней*, во множестве случаев и *измерений*. Позиция государства в мировой системе определяется характером и содержанием развития его *подсистем (функциональных сфер)*, его способностью контролировать внутренние процессы, от которых зависит развитие, и влиять на позиции других стран. В случае неспособности контролировать отдельные процессы в некоторых подсистемах или внутренних регионах вследствие появления новой для общества проблемы или других причин возникают региональные или функциональные неконтролируемые государством поля, *вакуумы*, которые заполняют негосударственные акторы. Они влияют на повестку дня в одной из сфер мировой или государственной системы, в конкретном регионе. Это влияние может иметь созидательный или разрушительный характер.

В соответствии с таким пониманием мира его структура задается *измерениями*, аспектами, которые определяют положение дел в мире и конкретном государстве. Выделяются следующие измерения: пространство, динамическое и структурное время, совокупность подсистем (функциональных сфер), уровни, контроль.

Пространство мира состоит из множества государств, их регионов, административных единиц и городов, которые взаимодействуют друг с другом во множестве существующих и возникающих форматов (двусторонние и многосторонние переговоры, международные и региональные организации, дискуссионные площадки, конференции, выставки, войны и т. д.) и с применением множества прежних и новых инструментов (договоры, соглашения, обмены, рестрикции, санкции, кредиты, помощь и т. д.). Государства и их элементы с помощью практических шагов стремятся освоить конкретное географическое или функциональное пространство за своими пределами, т. е. достичь целей, реализовать задачи, обеспечить интере-

сы. В разных ситуациях правительства действуют по-разному, выбирая себе попутчиков, партнеров, союзников, предпочитая самостоятельные шаги, конкурируя между собой, уклоняясь от столкновений, пользуясь сложившейся обстановкой, предпочитают ту или иную траекторию поведения, стратегию, тактику, меняют их, замещают на новые, комбинируют, реализуют их параллельно и т. д. Они руководствуются объективными интересами государства, влиятельных групп общества, субъективными взглядами, элементами коллективного бессознательного.

В пределах каждого из элементов пространства реализуются определенные социальные процессы. Они зависят от *динамического и структурного времени*, которым обладает каждое государство. Под *динамическим временем* понимаются временные процессы, которые реализуются в границах конкретного пространства (государства или его части) и определены исторической логикой, социальными правилами, внутренней политикой. *Динамическое время* в соответствии с трактовкой познанской исторической школы сочетает в себе характеристики цикличности, направленности и нерегулярности. *Структурное время* представлено специфической формальной и неформальной структурами общества и правилами поведения, взаимодействия, противодействия, принятыми в нем. Источниками этих правил являются писанные и неписанные нормы, традиции, их конкретное проявление зависит от психологических, жизненных и иных особенностей конкретных людей.

Элементами, которые глубже позволят понять особенности структурного времени, являются столпы истории повседневности, сформировавшие каркас ее исследований: *практика, освоение, акторы, силовые поля, уклонения* [22, с. 58–65]. С учетом истории повседневности в эти термины здесь вкладывается следующий смысл. Под *практикой* понимаются практические действия, которые предполагают многообразие, многоуровневость и противоречивость соответствующих явлений, объединенных в хрупкие, изменчивые «сети» практик. Ее закономерности создаются и воспроизводятся людьми. *Освоение* предстает взаимодействием, порою неосознанным, с ландшафтом и средой в таком ключе, чтобы сделать их принадлежащими себе. *Акторы* — люди, которые не всегда автономны, но и не всегда зависимы, в разных ситуациях они демонстрируют разный, иногда сложный, эмоциональный профиль, выбирают разные траектории движения в обществе, ищут или создают возможности и пространство для реализации себя. Актору соответствует *силовое поле* его многочисленных социальных связей, которые он задействует в процессе производства какого-либо результата. Исследуя силовое поле, необходимо отказаться от дихотомического понимания действительности в пользу признания множества альтернатив. Наконец актер может уклониться от строго определенной модели поведения или социальной траектории движения. Соответственно, под *уклонением* понимается выбор нетипичной, альтернативной социальной траектории внутри группы или общества отдельным актором, исходя из его жизненной ситуации и общественного положения.

Следующим измерением, определяющим структуру, является *совокупность подсистем (функциональных сфер)*, которые обуславливают развитие мира и государства, национальные интересы, внешнюю и внутреннюю политику государства, его международное поведение, очерчивают вероятные контуры вакуумов. Эти подсистемы в зависимости от контекста могут объединяться в комплексы или дробиться на меньшие составные элементы. С учетом прогноза мирового развития

до 2030 г., выполненного с использованием компьютерного моделирования [17], и Концепции внешней политики России [2] к *подсистемам* (*функциональным сферам*) относятся следующие: экономическая, демографическая, продовольственная, энергетическая, ресурсно-сырьевая, природно-климато-экологическая, торговая, финансово-кредитная, технологическая, социальная, военная, кибернетическая, правовая, гуманитарная, гражданская, культурная. Во всех этих подсистемах протекают качественные процессы, которые нельзя измерить с помощью формул, но которые определяют содержание подсистем, характер и пределы взаимных связей и зависимостей.

Интересы государства, его политика, в том числе внешняя, реализуются не только в пределах *подсистем*, но и на различных *уровнях*, которые определяются составом лиц и организаций, вовлеченных в решение конкретного вопроса или группы вопросов. Выделяются по крайней мере семь *уровней*: правительственный, парламентский, региональный, городской, корпоративный, церковный, негосударственный, т. е. имеющий отношение к некоммерческим организациям.

Контроль предстает в виде способности государства контролировать национальное пространство, динамическое и структурное время, систему и уровни, инкорпорировать в проводимую им политику конструктивные, с точки зрения правительства, явления, процессы, групповые интересы, проявившиеся в отсутствие его участия, и противодействовать аналогичным деструктивным процессам и явлениям.

В соответствии с данной интерпретацией мира хрупкий многосторонний, многомерный баланс, предотвращающий развитие деструктивных явлений, обеспечивается за счет баланса внешних политик и их *энергий*. Любая эффективная внешняя политика нацелена на то, чтобы обеспечить состояние *функциональных сфер* государства, региона или мира, которое не дестабилизирует систему в целом, не несет угроз развитию отдельных подсистем или их аспектов, не вызывает пагубных изменений среды, но предполагает получение определенных выгод. Множество таких политик реализуется одновременно во множестве случаев, соответственно их успех зависит от степени и характера влияния на мировую, региональную обстановку в контексте конкретного вопроса. Эти степень и характер являются тем смыслом, который вкладывается в слово *энергия*. Она определяется спецификой мощи и авторитета государства в одной или нескольких подсистемах в некоторых регионах.

Любая внешняя политика, инициированная и проводимая любым государством, вызывает ответную *реакцию*. Под *реакцией* понимается ответная внешняя политика любого другого государства в любом регионе мира, любой функциональной сфере на внешнюю политику любого другого государства в любом регионе мира, любой функциональной сфере. При этом *реакция* может быть *контрбалансом*, *сопоставимым ответом*, *хеджированием рисков*, *параллельным движением по нескольким траекториям*, *поиском новой сферы сотрудничества с каким-либо участником или негосударственным актором (или сферы противодействия кому-либо из них)*, произвольным сочетанием *реакций*, творческим созданием их в конкретном случае, и осуществляться с помощью набора существующих, модифицированных или специально разработанных внешнеполитических инструментов, к числу которых относятся, в частности, механизмы и процедуры международных организаций.

Иллюстрациями реакций служат следующие примеры. В ответ на разработку российской ракеты 9М729 в качестве *контрбаланса* как ответного шага в соответствующей функциональной сфере США вышли из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Сопоставимый ответ применяется в отношении другой страны (группы стран), но в отличие от контрбаланса он реализуется в других подсистемах. Примером *сопоставимого ответа* являются российские сельскохозяйственные контр-санкции.

Термином *хеджирование* описывается политика Филиппин в контексте спора с КНР вокруг принадлежности рифа Скарборо в Южно-Китайском море [25, р. 543–546].

Китай, который является одним из основных инвесторов в Венесуэлу, после усиления политического кризиса в этой стране стал искать контактов с Х. Гуайдо на случай его прихода к власти, чтобы спасти свои капиталы. При этом Пекин продолжил взаимодействие с официальным Каракасом [1, с. 308–310]. Такое поведение является *параллельным движением по нескольким траекториям* с целью минимизировать потенциальные риски и максимально реализовать свои интересы.

Примером *поиска новой сферы сотрудничества* может служить стремление США заключить соглашение с представителями «Талибана» или попытки на определенном этапе вовлечь Канаду в решение северокорейской ядерной проблемы.

Энергия каждого государства не сопоставима с *энергией* любого другого, никакое государство не может быть одинаково сильным во всех *подсистемах*, эта неравномерность дополняется постоянно иницилируемыми внешними политиками и вызываемыми ими реакциями, заставляя мир постоянно и бесконечно меняться. Этими факторами задается *кривизна*, неравномерность мирового пространства, заставляющая государства, их *уровни*, негосударственных акторов все время подстраиваться под меняющуюся обстановку. В таких условиях может возникнуть *конвертация* взаимодействия (противодействия), возникающая вследствие распространения сотрудничества (борьбы, соперничества) из одной функциональной сферы в другие.

Историческим примером *конвертации* является сотрудничество США с Китаем, которое имело политические основания и впоследствии переросло в экономическое взаимодействие. Современный пример — американское санкционное давление на Россию, которое при Б. Обаме было сугубо политическим инструментом, а при Д. Трампе стало использоваться в целях вытеснения конкурентоспособного поставщика газа с европейского рынка для удовлетворения экспортных интересов американских газовых компаний.

Постоянное искривление мира, возникновение новых явлений внутри государств вследствие как внутренних тенденций, так и внешнего воздействия провоцируют возникновение *вакуума*, неконтролируемого государством функционального или регионального поля. *Вакууму* соответствует понятие *инфляции*, неконтролируемого развития социальных процессов самоорганизации, в которых основной движущей силой являются акторы, не являющиеся по своей сути государственными (корпорации, некоммерческие организации, профессиональные союзы и объединения, временные общественные ассоциации, группы интересов, криминальные группировки, пираты, экстремистско-террористические организации, послед-

ние существуют как таковые или создают квазигосударственные образования). Соответственно, *вакуум* может носить позитивный и негативный характер, в том числе одновременно. Способность государства инкорпорировать позитивные и предотвратить негативные инфляционные процессы или противостоять им свидетельствует о степени контроля государства за своим пространством и временем.

Примером позитивного *функционального вакуума* является проблема продовольственного обеспечения канадского севера. После того как она была поднята общественными организациями, к ее решению подключились федеральное правительство и крупный бизнес [26–28]. Примером негативного *функционального вакуума* являются всплеск насилия в Мексике в 2010-е годы и превращение многочисленных криминальных группировок во влиятельную общественную силу не только в стране, но и во всем регионе. Примером позитивного *пространственного вакуума* стало ухудшение снабжения Дальнего Востока после распада СССР, вследствие которого началось низовое взаимодействие приграничных регионов Дальнего Востока с Китаем и Японией, что помогло решить проблему снабжения населения товарами первой необходимости и заложить основы интеграции дальневосточных субъектов в АТР. В то же время в 1990-е годы экономические процессы на Дальнем Востоке были сильно криминализованы. Примером негативного *пространственного вакуума*, возникшего при существенном внешнем влиянии, стало возникновение запрещенной в России ИГИЛ и последующая борьба с этим террористическим образованием, которые в совокупности поставили под угрозу территориальную целостность Ирака и Сирии.

Столь сложное строение мира, основанное на разнонаправленных и одновременных процессах взаимодействий между множеством *участников* и негосударственных акторов, позволяет говорить о современном мире как о многомерной саморазвивающейся *сети*. В качестве нее выступает совокупность многочисленных активных контактов (*силовых полей*) бесконечного количества *участников*, негосударственных акторов и отдельных людей как *акторов* во множестве измерений. Эти *силовые поля* и связанные с их существованием практические действия постоянно меняются в зависимости от ситуации, они формируют временные или относительно стабильные *сегменты* взаимодействий (*сети*), относящиеся к конкретному случаю или государству, существующие в одном или нескольких измерениях. Из этих сегментов формируется глобальная *сеть*, которая характеризует современные международные отношения. Соответственно, их логичнее называть не иерархическими, а реляционными.

Заключение

Представленный каркас теории является первым приближением к переосмыслению мира, он устанавливает основные направления и характеристики этого процесса. Ведущим из них является отказ от упрощенного понимания мира: анализ любого из перечисленных здесь измерений предполагает исследование такого количества его субизмерений, какое будет возможно выявить. Другая значимая особенность заключается в том, что отношения между государствами интерпретируются как следствие их внутреннего развития, существующего в контексте событий внешней среды. Так определяются место государства в международной системе

ме и степень его влияния в мире. Этими двумя аспектами устанавливается баланс между универсальностью и уникальностью: измерения и международные процессы по своему характеру универсальны, но их воплощение в каждом конкретном случае имеет уникальные черты, не противоречащие универсальности, а, наоборот, ею определенные. Такое понимание мира ориентирует аналитика на обнаружение альтернативных траекторий или, по крайней мере, границ, в пределах которых государства будут искать эти альтернативы.

С учетом выделенных характеристик современного мира разработка законченной теории в одной работе невозможна, к тому же любые теоретические положения требуют проверки, причем не только технологической, но и практической: это позволит уточнить ее положения.

Видится, что работа по переосмыслению мироустройства может проходить, по крайней мере, в трех взаимосвязанных направлениях. Поскольку в центр поставлено государство со своими особенностями пространства, времени, организации, то первый вектор исследований связывается с интерпретацией государства как совокупности *подсистем (функциональных сфер)*, которая постоянно меняется. Причиной этих изменений в конкретной стране могут быть особенности внутреннего развития, специфика текущего момента в контексте *динамического времени*, их интерпретации политиками и общественными деятелями конкретной страны. Эти интерпретации по своей природе субъективны, но они не зависят от исследователя и, главное, влияют на то состояние государства, которое мы воспринимаем внешней данностью. Кроме внутренних причин, присутствуют и внешние, которые воздействуют на его положение как независимо от чьих-либо взглядов, так и опосредованно, через интерпретации политиков и иных влиятельных лиц. Все эти аспекты могут иметь особенности на том или ином *уровне* организации государства, быть благоприятными для *вакуума*, провоцировать *инфляционные процессы*.

Второе направление локализуется в пределах *структурного времени*, т. е. предстает реконструкцией неформальных практик и детерминированных ими связей как внутри самой власти, так связей и власти и общества. Эти неформальные практики выступают основой явных, видимых, оказывающихся на поверхности действий, которые в связаны, в частности, с реализацией внешней политики, а значит, и с влиянием на поведение других государств.

Третье направление относится к исследованию взаимодействия государств между собой (их противодействия друг другу) во множестве случаев и множестве измерений. Особенности этого процесса зависят от конкретной комбинации множества аспектов, которые можно исследовать в рамках предыдущих направлений, а также событий внешней по отношению к конкретному государству среды.

Данная работа будет сопряжена с открытием новых законов функционирования государственных систем и их взаимодействия между собой, которые обеспечивают управление, самостоятельно сгенерированное системой, чье нарушение провоцирует *вакуум* и *инфляцию*. В сугубо технологическом плане это повлечет разработку новых алгоритмов контроля за осуществлением исследований. Их дальнейшая реализация с использованием этого каркаса будет подобна повторному открытию уже известного мира.

Литература

1. Хейфец, В. Л. (ред.) (2019), *От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке*. М.: Политическая энциклопедия.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/Official_documents/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 28.03.2020).
3. Маркова, Л. А. (ред.) (2012), *Мышление ученого вчера и сегодня*. М.: Альфа-М.
4. Цыганков, А. П. и Цыганков, П. А. (2014), Российские международники-теоретики: опыт автопортрета, *Мировая экономика и международные отношения*, № 9, с. 92–102.
5. Zuzan, V. (2018), How and How Not to Develop IR Theory: Lessons from Core and Periphery, *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 11, no. 4, pp. 391–414.
6. Вжосек, В. (2011), Методология истории как теория и история исторического мышления, в Репина, Л. П. (ред.), *Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы*, М.: Издательство ЛКИ, с. 102–115.
7. Nedel, A. (2019), *Donner à Voir. T. 1: Les racines mathematiques de la phenomenologie husserlienne*. Paris: L'Harmattan.
8. Topolski, J. (1972), *Metodologia historii*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
9. Hobson, J. M. and Lawson, G. (2008), What is History in International Relations?, *Millenium Journal of International Studies*, vol. 37, no. 2, pp. 415–435.
10. Krauthammer, C. (1990/91), The Unipolar Moment, *Foreign Affairs*, vol. 70, no. 1, pp. 23–33.
11. Haas, R. A (2017), *World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. New York: Penguin Books.
12. Барановский, В. Г. (2019), Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация?, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 5, с. 7–23.
13. Хантингтон, С. (2014), *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
14. Дынкин, А. А. и Иванова, Н. И. (ред.) (2011), *Россия в полицентричном мире*. М.: Весь мир.
15. Дынкин, А. А. и Иванова, Н. И. (ред.) (2014), *Глобальная перестройка*. М.: Весь мир.
16. Шаклеина, Т. А. и Байков, А. А. (ред.) (2014), *Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке*. М.: Аспект Пресс.
17. Геловани, В. А., Бритков, В. Б. и Дубовский, С. В. (2009), СССР и Россия в глобальной системе (1985–2030): Результаты глобального моделирования. М.: Либроком.
18. Gelovani, V. A. and Dubovsky, S. V. (1990), Global Modeling of the Potential World System, *International Political Science Review*, vol. 11, no. 2, pp. 207–218.
19. Rudometof, V. (2016), *Glocalization: A Critical Introduction*. London and New York: Routledge.
20. Репина, Л. П. (2011), Ситуация в современной историографии, в Репина, Л. П. (ред.), *Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы*. М.: Издательство ЛКИ, с. 5–13.
21. Osborne, P. (1995), *The Politics of Time: Modernity and Avant-Garde*. London and New York: Verso.
22. Людтке, А. (2010), *История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти*. М.: РОССПЭН.
23. Halperin, M. H. and Clapp, P. A. (2006), *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.
24. Hawking, S. (2001), *Universe in a Nutshell*. New York: Bantam Books.
25. Ciorciari, J. D. (2019), The Variable Effectiveness of Hedging Strategies, *International Relations in the Asia-Pacific*, vol. 19, no. 3, pp. 523–555.
26. Kingston, B., *Hunger in the Arctic*. URL: <http://www.worldpolicy.org/blog/2015/04/15/hunger-arctic> (дата обращения: 07.07.2015).
27. *Performance Measurement Strategy. (4.1.2) Nutrition North Canada*, September 2014. URL: <http://www.aadnc-aandc.gc.ca/eng/1490794132119/1490794299502> (дата обращения: 07.12.2015).
28. *From NWT & Nunavut Chamber of Mines to Species at Risk Secretariat, Government of North West Territories*, 2015, July 24. URL: http://www.miningnorth.com/_rsc/site-content/library/carbou/Chamber-Mines_re_draft_report_on_status_Barrenground_caribou_Sept2015.pdf (дата обращения: 16.04.2016).

Статья поступила в редакцию 11 августа 2020 года

Статья рекомендована к печати 15 сентября 2020 года

Контактная информация:

Болдырев Виталий Евгеньевич — канд. ист. наук, науч. сотр.; boldyrev89@list.ru

Poly-participant and multidimensional world: On the way to a new theory of international relations

V. E. Boldyrev

Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of Far East,
Far Eastern Branch of Russian Academy of Science,
89, Pushkinskaya ul., Vladivostok, 690001, Russian Federation

For citation: Boldyrev V. E. Poly-participant and multidimensional world: On the way to a new theory of international relations. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, vol. 13, issue 4, pp. 507–526. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.406> (In Russian)

In the early 21st century several conditions favorable for a new theory of international relations have been formed in Russia. New trends in interstate relations have clearly been displayed and Russian foreign policy needs to update its theoretical and conceptual foundations. A new philosophical basis has been formed as Russian IR theory is in crisis. To overcome the crisis, the framework of a new IR theory is suggested. It rests on existing theories and concepts that satisfy the principles of post-non-classical philosophy of science, the concept of Russian foreign policy, the fact that contemporary world events cannot be explained using the previously created concepts, and interdisciplinarity which does not lead to the erosion of the language of science in regard to IR. These sources made it possible to identify a number of fundamental provisions for the new IR theory: the interpretation of chaos as an order with unknown laws, recognition of each state as a self-sufficient participant in international relations, multivariativity of foreign policies, and the understanding of the world as a non-polar system. On their basis, a framework was developed for the theory of a poly-participant and multidimensional world where the main elements are states (participants) and non-state actors. According to the theory, the world has several dimensions: space, dynamical time, structural time, a set of subsystems (functional spheres), level, and control. Balance is ensured by the balance of foreign policies and reactions to them, which are determined by the interests of states, the influence and power of states in certain regions or functional fields. This sets the curvature of the world, which makes it change constantly. In the event of imbalance or a weakening of control, a vacuum appears and it provokes the development of uncontrolled processes. Such a complex structure of the modern world allows us to characterize it as a network that defines contemporary international relations as relational.

Keywords: IR theory, space, time, system, level, control, chaos, interdisciplinarity, international relations, foreign policy.

References

1. Kheifets, V. L. (ed.) (2019), *From Bipolar to Multipolar World: Latin American Vector of International Relations in the 21st Century*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediia Publ. (In Russian)
2. *Foreign Policy Conception of Russian Federation (signed by president of Russian Federation V. V. Putin on November 30, 2016)*. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/Official_documents/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (accessed: 28.03.2020). (In Russian)
3. Markova, L. A. (ed.) (2012), *Thinking of a Scientist Yesterday and Today*. Moscow: Alfa-M Publ. (In Russian)
4. Tsygankov, A. P. and Tsygankov, P. A. (2014), Self-Portrait of Russian IR Theorists: Results of a Survey, *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, no. 9, pp. 92–102. (In Russian)
5. Buzan, B. (2018), How and How Not to Develop IR Theory: Lessons from Core and Periphery, *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 11, no. 4, pp. 391–414.
6. Wrzosek, W. (2011), Methodology of History as Theory and History of Historical Thinking, in Repina, L. P. (ed.), *Historical Discipline Today: Theories, Methods, Perspectives*. Moscow: LKI Publ., pp. 102–115. (In Russian)

7. Nedel, A. (2019), *Donner à Voir. T. 1: Les racines mathématiques de la phénoménologie husserlienne*. Paris: L'Harmattan.
8. Topolski, J. (1972), *Metodologia historii*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
9. Hobson, J. M. and Lawson, G. (2008), What is History in International Relations?, *Millennium Journal of International Studies*, vol. 37, no. 2, pp. 415–435.
10. Krauthammer, C. (1990/91), The Unipolar Moment, *Foreign Affairs*, vol. 70, no. 1, pp. 23–33.
11. Haas, R. A. (2017), *World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. New York: Penguin Books.
12. Baranovskii, V. G. (2019), New International Order: Overcoming or Transforming of Existing Pattern?, *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 63, no. 5, pp. 7–23.
13. Huntington, S. (2014), *Clash of Civilizations*. Rus. ed. Moscow: AST Publ. (In Russian)
14. Dynkin, A. A. and Ivanova, N. I. (eds) (2011), *Russia in Polycentric World*. Moscow: Ves' mir Publ. (In Russian)
15. Dynkin, A. A. and Ivanova, N. I. (eds) (2014), *Global Perestroika*. Moscow: Ves' mir Publ. (In Russian)
16. Shakleina, T. A. and Baikov, A. A. (eds) (2014), *Megatrends: Main Trajectories in Evolution of World Order in the 21st Century*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)
17. Gelovani, V. A., Britkov, V. B. and Dubovski, S. V. (2009), *USSR and Russia in Global System (1985–2030): Global Modeling Results*. Moscow: Librokom Publ. (In Russian)
18. Gelovani, V. A. and Dubovsky, S. V. (1990), Global Modeling of the Potential World System, *International Political Science Review*, vol. 11, no. 2, pp. 207–218.
19. Rudometof, V. (2016), *Glocalization: A Critical Introduction*. London and New York: Routledge.
20. Repina, L. P. (2011), Situation in Modern Historiography, in Repina, L. P. (ed.), *Historical Discipline Today: Theories, Methods, Perspectives*. Moscow: LKI Publ., pp. 5–13. (In Russian)
21. Osborne, P. (1995), *The Politics of Time: Modernity and Avant-Garde*. London and New York: Verso.
22. Lyudtke, A. (2010), *History of Everyday Life in Germany: New approaches for Labour, War and Power Studies*. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
23. Halperin, M. H. and Clapp, P. A. (2006), *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*. Washington, D. C.: Brookings Institution Press.
24. Hawking, S. (2001), *Universe in a Nutshell*. New York: Bantam Books.
25. Ciorciari, J. D. (2019), The Variable Effectiveness of Hedging Strategies, *International Relations in the Asia-Pacific*, vol. 19, no. 3, pp. 523–555.
26. Kingston, B., *Hunger in the Arctic*. Available at: <http://www.worldpolicy.org/blog/2015/04/15/hunger-arctic> (accessed: 07.07.2015).
27. *Performance Measurement Strategy. (4.1.2) Nutrition North Canada*, September 2014. Available at: <http://www.aadnc-aandc.gc.ca/eng/1490794132119/1490794299502> (accessed: 07.12.2015).
28. *From NWT & Nunavut Chamber of Mines to Species at Risk Secretariat, Government of North West Territories*, 2015, July 24. Available at: http://www.miningnorth.com/_rsc/site-content/library/carbou/ChamberMines_re_draft_report_on_status_Barrenground_caribou_Sept2015.pdf (accessed: 16.04.2016).

Received: August 11, 2020

Accepted: September 15, 2020

Author's information:

Vitalii E. Boldyrev — PhD in History, Research Fellow; boldyrev89@list.ru